

ГОСТЬ НОМЕРА

УДК 33.012.44+331.526

DOI: 10.25198/2077-7175-2021-6-10

САМОЗАНЯТОСТЬ КАК ФОРМА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ И КАЗАХСТАНА

С. В. Дорошенко

Институт экономики, Уральское отделение Российской академии наук, Екатеринбург, Россия
e-mail: doroshenkos@mail.ru

***Аннотация.** Масштаб изменений современного этапа общественного развития актуализирует изучение различных моделей и механизмов адаптации. Основной целью исследования является сравнительный анализ самозанятой формы экономической адаптации населения России и Казахстана, а также выявление факторов, влияющих на самозанятость. В России исследования самозанятости дополнительно актуализировались с принятием в ноябре 2018 года Федерального закона «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход».*

Использованы методы нормативного, сравнительного, статистического, корреляционно-регрессионного анализов. Определено, что самозанятость по совокупности таких признаков, как риск, самостоятельность, доход, уплата налога является формой предпринимательской модели адаптации населения, в большей степени характерной для развивающихся экономик или нестабильных периодов развития. Выявлено, что межстрановой сравнительный анализ имеет определенные ограничения по причине разных нормативных подходов к выделению категории самозанятых. Сравнительные исследования требуют учета контекстной составляющей, а также их необходимо дополнять изучением факторов, влияющих на самозанятость. Научная новизна исследования заключается в выявлении демографических и экономических факторов, влияющих на самозанятость, оценка которых на примере регионов Казахстана была задачей регрессионного анализа. Информационной базой послужили данные Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. Исследование проводилось в программной среде R. Результаты оценки показали, что на выбор самозанятой формы оказывают прямое влияние возраст, гендер, место проживания, безработица, обратное – затраты на рабочую силу, условия стабильности. Эти выводы необходимо учитывать при формировании мер государственной поддержки. Перспективы дальнейших исследований во многом определяются уровнем статистической и другой информации о самозанятых гражданах. В связи с этим для Казахстана видится перспективным продолжение исследований с акцентом на отдельных категориях самозанятых, анализе влияния различных факторов. Для России сегодня предпочтительнее применение социологических опросов, а формирование со временем статистической базы позволит более глубоко анализировать и факторы влияния.

Ключевые слова: самозанятость, предпринимательская модель, адаптация населения, Россия, Казахстан, регионы, эконометрический анализ, демографические и экономические факторы.

Благодарности. Исследование проводится в рамках темы плана НИР Института экономики Уральского отделения Российской Академии Наук на 2021–2023 гг. «Институциональные модели и факторы социальной и экономической адаптации населения региона в условиях перехода к динамичному развитию».

Для цитирования: Дорошенко С. В. Самозанятость как форма экономической адаптации населения регионов России и Казахстана // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2021. – № 6. – С. 10–23. DOI: 10.25198/2077-7175-2021-6-10.

SELF-EMPLOYMENT AS AN ECONOMIC ADAPTATION FORM OF THE RUSSIA AND KAZAKHSTAN REGIONS POPULATION

S. V. Doroshenko

Institute of Economics, Ural branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia
e-mail: doroshenkos@mail.ru

Abstract. *The scale of changes in the current stage of social development actualizes the study of various adaptation models and mechanisms. The main purpose of the study is a comparative analysis of the self-employed form of the Russia and Kazakhstan population adaptation, as well as the identification of factors affecting self-employment. The methods of normative, comparative, statistical, correlation and regression analysis were used. It is determined that self-employment by a combination of such characteristics as risk, independence, income, tax payment is a form of the adaptation entrepreneurial model, which is more typical for developing economies or unstable periods. It is revealed that the cross-country comparative analysis has certain limitations due to different regulatory approaches to the allocation of the self-employed category. Comparative studies require taking into account the contextual component, and they also need to be supplemented with the study of factors affecting self-employment. The study novelty is to identify demographic and economic factors affecting self-employment, the assessment of which on the example of the Kazakhstan regions was the regression analysis task. The information base was the Bureau of National Statistics of the Agency for Strategic Planning and Reforms of the Kazakhstan Republic data. The study was conducted in the R software environment. The assessment results showed that the choice of self-employed form is directly influenced by age, gender, place of residence, unemployment, the opposite – labor costs, stability conditions. These conclusions should be taken into account when forming state support measures. The prospects for further research are largely determined by the level of statistical and other information about self-employed citizens. In this regard, it seems promising for Kazakhstan to continue research with an emphasis on certain categories of the self-employed, analysis of the influence of various factors. For Russia today, the use of sociological surveys is preferable, and the formation of a statistical base over time will allow for a more in-depth analysis of the influence factors.*

Key words: *self-employment, entrepreneurial model, population adaptation, Russia, Kazakhstan, regions, econometric analysis, demographic and economic factors.*

Acknowledgments. The study is carried out within the framework of the research plan of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences for 2021–2023 «Institutional models and factors of social and economic adaptation of the population of the region in the transition to dynamic development».

Cite as: Doroshenko, S. V. (2021) [Self-employment as an economic adaptation form of the Russia and Kazakhstan regions population]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 6, pp. 10–23. DOI: 10.25198/2077-7175-2021-6-10.

Введение

Спонтанность и масштаб изменений современного этапа развития актуализируют исследования моделей и механизмов адаптации населения различных стран и регионов. При этом адаптация общества, в отличие от адаптации природной, процесс целенаправленный и осознанный. В своих исследованиях мы рассматриваем экономическую адаптацию как «совокупность целенаправленных действий индивида или социальной группы, обусловленных включением в систему экономических взаимодействий и направленных не только на текущее погашение среднего воздействия, но на перспективу развития с учетом основных мотивов и поведенческих установок» [9].

Экономическая адаптация человека, прежде всего, подразумевает поддержание, а в перспективе и повышение уровня жизни. Для достижения этой цели формируются и реализуются ее различные модели, в том числе сберегательная, миграционная,

предпринимательская, любая из которых предполагает использование различных форм или их комбинаций.

Принимая во внимание значимость для экономики вопросов повышения предпринимательской активности, улучшения делового климата и нововведения государственной политики в этой сфере, в своих исследованиях мы делаем акцент на предпринимательской модели адаптации, то есть «совокупности действий индивида или социальной группы, направленных на реализацию предпринимательского потенциала, как собственного, так и в целом экономической системы» [9]. В рамках данной статьи мы не будем останавливаться на детерминантах модели, с этим можно ознакомиться в более ранних публикациях. Целью настоящего исследования является сравнительный анализ самозанятой формы предпринимательской модели экономической адаптации населения регионов России и Казахстана, оценка демографических и эко-

номических факторов, влияющих на развитие самозанятости, изучение которой в нашей стране актуализировалось в последние годы в связи с началом эксперимента по взиманию налога на профессиональный доход.

Самозанятость – немного статистики

Для того чтобы сформировать первоначальное представление о темпах развития самозанятости, не останавливаясь подробно на национальных особенностях учета (об этом чуть ниже), приведем офици-

альную статистику по России и Казахстану, а также странам ОЭСР.

В табл. 1 представлены данные о количестве самозанятых граждан, зафиксировавших свой статус и применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» (НПД). Значения показателя формируются на основе утвержденной ФНС России методики расчета для федерального проекта «Создание благоприятных условий для осуществления деятельности самозанятыми гражданами».

Таблица 1. Количество самозанятых граждан в России, применяющих специальный налоговый режим НПД (по данным Федеральной налоговой службы России, чел.)¹

Федеральные округа	Численность самозанятых по состоянию на:					
	31.03.20	30.06.20	31.12.20	31.03.21	30.06.21	31.07.21
Российская Федерация	563 772	770 710	1 603 638	2 069 373	2 573 055	2 778 523
Центральный ФО	363 615	457 987	752 806	912 201	1 078 144	1 142 883
Северо-Западный ФО	31 552	58 781	160 601	220 194	280 731	303 848
Южный ФО	17 466	30 833	123 877	177 054	238 824	263 073
Северо-Кавказский ФО	–	–	21 418	33 485	50 668	68 297
Приволжский ФО	100 928	136 109	280 872	363 232	449 283	483 243
Уральский ФО	28 597	49 808	114 142	151 471	189 111	204 413
Сибирский ФО	20 821	35 636	114 953	159 038	212 209	231 509
Дальневосточный ФО	793	1 556	34 969	52 698	74 085	81 257

Из данных табл. 1 очевидно, что за полтора года в целом по России количество официальных самозанятых увеличилось почти в 5 раз. Но по федеральным округам ситуация различается. Самые высокие темпы роста демонстрируют субъекты Дальневосточного федерального округа – более чем в 102,5 раза, а также Южного федерального

округа – в 15 раз. Наименьшие темпы имеет Северо-Кавказский ФО, что отчасти объясняется тем, что его субъекты подключились к эксперименту только в июле 2020 года.

В табл. 2 приведены данные о самозанятом населении в регионах Казахстана за 2006 и 2016–2020 гг.

Таблица 2. Количество самостоятельно занятых работников в разрезе регионов Казахстана (по данным Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан, чел.)²

Области и города	2006	2016	2017	2018	2019	2020
Республика Казахстан	2 626 851	2 210 541	2 099 222	2 082 522	2 099 249	2 045 374
Акмолинская	171 484	146 950	139 602	134 620	130 477	125 347
Актюбинская	130 301	78 809	68 998	61 157	59 796	60 838
Алматинская	332 234	279 974	266 767	270 919	267 092	272 311
Атырауская	41 817	30 127	30 292	32 992	37 877	38 078
Западно-Казахстанская	120 139	118 192	118 265	118 175	117 460	88 654

¹ Данные о количестве самозанятых граждан, зафиксировавших свой статус и применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // <https://rmsp.nalog.ru/statistics2.html> (дата обращения: 27.05.2021).

² Самостоятельно занятое население по статусу занятости и регионам Республики Казахстан. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://stat.gov.kz/official/industry/25/statistic/7> (дата обращения: 27.05.2021).

Продолжение таблицы 2

Области и города	2006	2016	2017	2018	2019	2020
Жамбылская	226 702	225 909	194 451	180 410	176 917	171 179
Карагандинская	184 013	73 204	56 221	58 431	56 065	66 266
Костанайская	217 599	169 076	160 654	156 586	153 513	134 418
Кызылординская	113 672	121 647	116 387	114 753	114 134	110 569
Мангистауская	11 765	14 057	15 425	22 877	21 262	17 096
Южно-Казахстанская	507 909	502 773	482 649	–	–	–
Павлодарская	95 507	69 433	64 895	61 684	61 232	59 778
Северо-Казахстанская	160 423	91 605	82 310	82 279	79 350	75 239
Туркестанская	–	–	–	359 790	361 399	357 775
Восточно-Казахстанская	245 789	200 951	203 788	200 184	199 010	194 380
г. Нур-Султан	23 756	23 437	30 583	35 716	65 619	65 854
г. Алматы	43 741	64 397	67 935	70 727	72 264	81 673
г. Шымкент		–	–	121 222	125 782	125 919

Исходя из данных табл. 2, очевидно, что в целом по республике наблюдается небольшое снижение количества самозанятых за период 2016–2020 гг. Впрочем, эта тенденция наблюдается с 2006 г. Но ситуация по регионам различна. В большинстве областей (за исключением Мангистауской) численность снижается, хотя в 2020 году в некоторых регионах произошло увеличение значения показателя по сравнению с 2019 г. В то же время в городах, особенно в г. Нур-Султан, идет рост. Для сравнения интересна ситуация в Туркестанской области и г. Шымкент, которые были выделены в результате административных преобразований Южно-Казахстанской области в 2017 году. Очевидно, что численность самозанятых в области снижается, а в городе увеличивается.

Безусловно, затруднительно сравнивать наши страны между собой хотя бы потому, что Казахстан ведет официальный статистический учет самозанятых работников с 2006 года (по этой причине мы и

включили этот год в табл. 2), а в России такая база данных еще только начинает формироваться. Но именно разница в подходах как нормативных, так и статистических и актуализирует сравнительные исследования по странам ЕАЭС, которые могут обогатить друг друга накопленным опытом, имеющим не только прикладное, но и научное значение.

Для полноты картины в табл. 3 приведены данные ОЭСР, отражающие удельный вес самозанятых граждан в общей численности занятых в ряде стран, начиная с 1990 г. При расчете показателя самостоятельная занятость определяется как занятость работодателей, работников, работающих на себя, членов производственных кооперативов и неоплачиваемых семейных работников. К работающим относятся лица в возрасте 15 лет и старше. Следует подчеркнуть, что ОЭСР имеет свою методику определения самозанятого населения, и данные могут расходиться, например, с теми, что сегодня представляют национальные органы статистики.

Таблица 3. Доля самозанятого населения по отдельным странам мира (по данным ОЭСР в % к общему числу занятых)³

Страны	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2017	2018
Россия	..	6,8	10,1	7,8	6,9	7,2	6,6	6,7
Казахстан	...	16,6	43,5	36,1	33,3	25,4	24,5	24,0

Данные табл. 3 свидетельствуют о том, что увеличение до 2000-х гг. доли самозанятых в Казахстане сменилось сокращением. В России значения показателя не демонстрируют выраженной тенден-

ции к снижению или росту. Однако в целом можно предположить, что самозанятость выступает либо просто стратегией выживания в периоды отсутствия других способов заработка, либо действитель-

³ Уровень самозанятости на 29.08.2019 г. Сайт ОЭСР. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://data.oecd.org/emp/self-employment-rate.htm> (дата обращения: 06.06.2021).

но проявлением предпринимательского настроения, что определяет рост самозанятости и в межкризисные периоды.

Самозанятость в социально-экономических исследованиях

Общепризнано, что основной причиной развития мер по поддержке самозанятости в развитых странах в 1970-х годах стала реструктуризация промышленности, сопровождающаяся ростом безработицы, отвлечением значительных бюджетных средств на пособия, обострением социальной напряженности⁴. Это привело к необходимости разработки со стороны государственной власти программ мотивирования безработных к развитию самозанятости, которые в разных странах отличаются по структуре и используемым механизмам.

В целом, самозанятость, как некий феномен, вызывает интерес, с одной стороны, специалистов, анализирующих занятость населения. При этом отмечается тесная связь самозанятости с неформальными отношениями на рынке труда. Особый интерес, на наш взгляд, представляют исследования факторов выбора индивидуумом модели самозанятости и его поведения в рамках такой модели, как, например, эконометрический анализ на основе многоуровневой модели влияния социально-демографических, экономических и пространственных переменных на участие самозанятых в неформальной экономике [26].

С другой стороны, самозанятость привлекает исследователей предпринимательства, иногда разделяющих понятия предпринимательства и самозанятости, как, например, М. Хенрексон [23]. Однако С. Шейн, признавая, что разделение понятий предпринимательства и самозанятости не вполне удачно, не относит при этом самозанятых к типичным предпринимателям, нацеленным на развитие компаний, и считает, что государство не должно поддерживать такое предпринимательство [20].

Сегодня не существует единого определения самозанятости, самозанятого населения. Как правило, отталкиваются от юридически закрепленных трактовок и методов выделения этой категории. Этим определяются различия не только между институциональными механизмами, применяемыми в разных странах, что ограничивает общие выводы о самозанятости [21], но и в межстрановых подходах к исследованию специфики этого феномена, что, несомненно, требует учета контекстной составляющей. При этом исследователями часто подчеркивается характерная распространенность самозанятости именно в развивающихся странах [7, 24, 25, 27].

Большинство стран при оценке самозанятости опираются на позицию МОТ, согласно которой, как отмечается исследователями, самозанятость – это занятость, вознаграждение за которую напрямую зависит от доходов (или потенциальных доходов), полученных от произведенных товаров и услуг. На основе этого Евростат относит к самозанятым, работающим в собственном бизнесе, домашнем хозяйстве или осуществляющих самостоятельную профессиональную деятельность, при этом допускается использование наемного труда [22]. Таким образом, самозанятость закрепляется и как форма профессиональной занятости, и как форма индивидуального предпринимательства. При этом всегда выделяются профессии, представители которых не могут рассматриваться в качестве самозанятых, например, во Франции это журналисты [14]. Одновременно в большинстве стран самозанятым оказывается различная поддержка, прежде всего, в области налогообложения, кредитования, и даже разрешено использовать наемный труд, что в целом подчеркивает их предпринимательский статус.

В исследованиях на постсоветском пространстве понятия «самозанятые», «самозанятость» появились в 1990-е годы. Одной из основных причин возникновения этого явления в бывших республиках СССР справедливо считаются массовые закрытия промышленных и сельскохозяйственных предприятий [19], что, по сути, сделало самозанятость одной из форм социальной и экономической адаптации населения к негативному воздействию внешней среды. К слову, и в настоящее время считается, что потеря работы, наряду с увеличением стоимости жизни и ухудшением жилищных условий выступают одними из основных факторов распространения самозанятой формы среди населения [1].

В России появление понятия «самозанятый» было связано с выходом Закона РСФСР от 25 декабря 1990 г. «О предприятиях и предпринимательской деятельности», разрешившим физическим лицам заниматься предпринимательской деятельностью. При этом, к примеру, академик Т. Заславская отделяла самозанятых от предпринимателей и определяла предпринимателей как «собственников преимущественно мелких предприятий и фирм, лично управляющих последними, не совмещающую эту деятельность с какой-либо работой по найму», а самозанятых как «лиц, занятых мельчайшим предпринимательством на базе индивидуальной трудовой деятельности с помощью собственных средств производства (преимущественно специалисты и квалифицированные рабочие)» [11].

⁴ Развитие самозанятости в странах Европейского Союза и США. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://giac.ru/content/document_r_A4F92072-2395-4116-96E5-EE76169118C7 (дата обращения: 16.05.2021).

Как и зарубежные коллеги, одни отечественные исследователи анализируют самозанятость в рамках нестандартной занятости, при этом всегда отмечают сложность ее учета из-за неформальности трудовых отношений [8, 12]. Другие рассматривают самозанятость как форму предпринимательства (в том числе, нерегистрируемого) [13], ссылаясь, как правило, на Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации», где развитие самозанятости населения выделено в качестве одной из целей государственной политики в сфере малого и среднего предпринимательства, а также на отдельные законы субъектов Российской Федерации.

Хотя при определении самозанятости отдельные исследователи подчеркивают ее легитимность, как, например, авторы статьи [6], рассматривающие ее как «форму экономической активности, когда индивид обеспечивает свое существование за счет самостоятельного поиска источника доходов и занимается экономической деятельностью, которая не противоречит принятым в государстве нормативно-законодательным документам», тем не менее вопросы уклонения от уплаты налогов довольно часто поднимаются представителями различных направлений.

Несмотря на постоянно сохраняющийся интерес к самозанятости, все же 2017 год можно определить как начало нового роста публикационной активности по данной проблеме. Безусловно, это связано с посланием Президента РФ Федеральному собранию от 1 декабря 2016 года, где была отмечена необходимость улучшения условий для ведения бизнеса и в скорейшем определении статуса самозанятых граждан.

Закономерно активизировалась дискуссия вокруг унификации подходов к выделению категории самозанятых граждан различными государственными институтами, в рамках которой экспертами подчеркивались расхождения в определении [2, 15]. Например, согласно позиции Пенсионного фонда РФ, самозанятыми гражданами являются индивидуальные предприниматели, главы и члены крестьянских (фермерских) хозяйств, адвокаты, арбитражные управляющие, нотариусы, занимающиеся частной практикой, и иные лица, занимающиеся частной практикой и не являющиеся индивидуальными предпринимателями. Налоговый кодекс РФ выделяет характеристики, позволяющие получить статус самозанятого гражданина, а именно отсутствие статуса индивидуального предпринимателя, осуществление некоторых услуг для личных и до-

машних нужд, неиспользование наемного труда.

Некоторую ясность внес Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» от 27.11.2018 № 422-ФЗ⁵, в котором определено, что применять такой режим вправе физические лица, в том числе индивидуальные предприниматели и получающие доходы от деятельности, при которой они не имеют работодателя и не привлекают наемных работников. Законом закреплены обязанности самозанятых, а также ряд ограничений. Первоначально с 1 января 2019 года в четырех субъектах РФ стартовал этот эксперимент, рассчитанный на 10 лет, а с 1 июля 2020 года к нему присоединились все субъекты РФ. Позднее были внесены изменения в Национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», направленные на улучшение предпринимательского климата, в структуре которого появился отдельный федеральный проект «Создание благоприятных условий для осуществления деятельности самозанятыми гражданами». Кроме того, интересы самозанятых граждан учтены и в рамках другого проекта – «Создание цифровой платформы с механизмом адресного подбора и возможностью дистанционного получения мер поддержки и специальных сервисов субъектами МСП и самозанятыми гражданами».

На фоне подобных процессов, исходя из гражданско-правовой природы самозанятости, большинство исследователей признают ее разновидностью предпринимательства [4], что действительно оправдано, поскольку сегодня эта категория граждан на свой страх и риск осуществляет экономическую деятельность, платит налоги, имеет возможность пользоваться теми же мерами поддержки, что и субъекты малого предпринимательства. При этом такая позиция не исключает изучение самозанятости и как элемента рынка труда [17].

Данные о самозанятых гражданах в России официально начали собираться ФНС только с 2017 года и для полноценной статистической оценки их накоплено еще недостаточно, поэтому особый интерес представляют эмпирические исследования, в том числе опросы, проводимые различными независимыми организациями (например, Аналитическим центром НАФИ), а также исследовательскими группами (к примеру, НИУ ВШЭ). Результаты таких опросов позволяют выявить масштабы и особенности этого явления не только по России [11] в целом, но и в отдельных регионах [18].

⁵ Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан (Татарстан)». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.11.2020).

Учитывая контекст нашего исследования, отметим, что в исследованиях казахстанских коллег прослеживается эволюция юридически закрепленного понятия самостоятельно занятых граждан, начиная с Закона Республики Казахстан от 23.01.2001 г. № 149-III «О занятости населения», в редакции 2004 года которого самостоятельно занятые определялись как «трудоспособные граждане, обеспечивающие себя работой, приносящей им доход», до действующего в настоящее время Закона Республики Казахстан «О занятости населения» от 06.04.2016 г. № 482-V, где «самостоятельно занятые – это физические лица из числа индивидуально занятых производством (реализацией) товаров, работ и услуг для получения дохода, членов производственных кооперативов, неоплачиваемых работников семейных предприятий (хозяйств) и работодателей, использующих труд наемных работников». Кроме того, все самостоятельно занятые лица в Казахстане разделены на две группы: продуктивно занятые и непродуктивно занятые, определен состав каждой группы. Основным критерием выступает уровень среднемесячных доходов, получаемых от производства товаров, работ, услуг. В стране разработана система мер поддержки самозанятого населения, анализ и оценка эффективности которой также является предметом исследований [16]. Однако встречаются публикации и критического характера, авторы которых считают, что стимулирование самозанятости наносит вред национальной экономике [3].

В целом, следует признать, что в Казахстане действительно «созданы определенные правила и методики для правильной и достоверной фиксации статистических данных, характеризующих многогранный образ самозанятого населения» [5], что позволяет проводить временные и региональные исследования этого феномена. Кроме того, статистические исследования периодически дополняются социологическими опросами, обеспечивающими первичную оценку о положении респондентов в сфере рынка самозанятых [10].

Завершая краткий обзор современных исследований самозанятости, еще раз отметим, что межстрановой сравнительный анализ имеет определенные ограничения по причине разных нормативных подходов к выделению категории самозанятых. Но для таких стран, как, например, Россия, Казахстан, Беларусь, имеющих общее прошлое и планирующих совместное будущее в рамках ЕАЭС, он важен и интересен. Такие исследования необходимо дополнять изучением факторов, влияющих на развитие самозанятости, или в контексте адаптации – что определяет выбор такой формы. Именно этому вопросу посвящена вторая часть нашего исследования.

Постановка и результаты регрессионного анализа

Для эконометрического анализа факторов выбора самозанятости в качестве формы экономической адаптации населения нами были выбраны регионы Казахстана. Это обусловлено, прежде всего, тем, что в республике имеется информация о количестве самозанятых с 2006 года, что позволяет построить панельную регрессию, пусть и не очень большую. Хотя имеется и некоторое ограничение, связанное с относительно небольшим представлением в открытых источниках статистических данных в разрезе регионов. Тем не менее имеющиеся демографические и экономические показатели позволяют выдвинуть гипотезы и получить интересные результаты.

В ходе анализа массива статистической информации в региональном разрезе, а также предварительной оценки взаимосвязей потенциальных независимых переменных с объясняемой переменной, обозначенной как численность самозанятого населения, было установлено, что общая численность населения, взятая и в гендерном разрезе, и с учетом местности проживания, не является значимым показателем для самозанятости. Но влияние оказывает численность молодого населения страны. Это позволило сделать вывод о влиянии возраста на выбор самозанятой формы адаптации. В результате нами были отобраны показатели, характеризующие численность городского и сельского молодого населения республики (с 15 до 28 лет) с учетом гендерной составляющей, безработица мужчин и женщин, а также стоимость затрат на рабочую силу. Последнему показателю было отдано предпочтение перед показателем ВРП на душу населения, поскольку между ними существует сильная корреляция и одновременное их использование недопустимо, но показатель стоимости в рамках исследования адаптации населения, по нашему мнению, более информативен.

Был поставлен следующий исследовательский вопрос: как гендерные отличия, а также местность проживания оказывают влияние на выбор населением самозанятости в качестве формы экономической адаптации?

На основе исследовательского вопроса были выдвинуты гипотезы:

- сельские молодые мужчины и женщины в большей степени влияют на развитие самозанятости по сравнению с городскими ровесниками;
- увеличение стоимости затрат на рабочую силу приводит к снижению численности самозанятого населения.

Временной период эмпирического анализа составил 15 лет – с 2006 по 2020 годы. Выборка состоит из 14 областей и двух городов Республики Казахстан. Было учтено, что до 2018 года в стране была Южно-Казахстанская область, впоследствии пре-

образованная в Туркестанскую область и г. Шымкент. В анализе г. Шымкент не выделен отдельно, по причине отсутствия данных за период 2006–2017 гг. Некоторая информация по нему была учтена в рамках Южно-Казахстанской (Туркестанской) области.

Информационная база исследования – данные Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан⁶. Расчеты проводились в программной среде R.

Цель анализа – оценить влияние демографических и экономических факторов на самозанятость

в регионах Казахстана как формы экономической адаптации населения.

В качестве объясняемой переменной, характеризующей уровень самозанятости населения регионов, была выбрана численность самозанятого населения. Кроме того, было интересно оценить влияние кризисных лет на самозанятость, для чего была введена дамми-переменная, отражающая характеристику года – кризисный (2008–2009, 2014–2015, 2020) или межкризисный. В табл. 4 представлен общий перечень исследуемых переменных.

Таблица 4. Описание модельных переменных

Факторы	Показатель	Единица измерения	Название показателя в среде R
	Численность самозанятого населения	чел.	Selfempl
Демографические	Численность городских молодых мужчин	чел.	Ymantown
	Численность сельских молодых мужчин	чел.	Ymanrural
	Численность городских молодых женщин	чел.	Ywomantown
	Численность сельских молодых женщин	чел.	Ywomanrural
Экономические	Стоимость рабочей силы в расчете на одного работника	тенге	Value_Empl
	Безработица мужчин	%	Manunempl
	Безработица женщин	%	Womanunempl
	Экономический кризис	1 – кризисный год, 0 – межкризисный	Crisis

Источник: составлено автором

Предварительный анализ данных показал, что распределение эконометрической величины имеет асимметрию, для ее уменьшения можно было бы взять логарифмы показателей. Но в контексте нашего исследования, а именно для установления факторов выбора формы экономической адаптации той или иной группой населения, допустимо использование абсолютных показателей. Но в дальнейшем для повышения качества регрессий этот момент будет учтен.

Для выявления тесноты связи между регрессорами был проведен корреляционный анализ, который выявил тесную зависимость между численностью городских и сельских мужчин, аналогично и женщин. Но первоначально в общей сравнительной модели мы решили пренебречь выявленной мультиколлинеарностью и оставили все четыре показателя для сравнения «мужского» и «женского», а также «городского» и «сельского» влияния на самозанятость. На следующем этапе из модели были

исключены сильно коррелирующие переменные городских девушек и сельских юношей. Во второй модели мультиколлинеарности не выявлено. Таким образом, в исследовании были рассмотрены две сбалансированные модели влияния факторов на самозанятость, из которых модель 1 отражает общее сравнительное влияние всех регрессоров, а модель 2 имеет уточненный характер.

В каждом случае были построены сквозная регрессия (Pooled), модель со случайными эффектами (Re) и модель с фиксированными эффектами (Fe). Для выбора наиболее подходящих вариантов моделей для интерпретации данных были проведены соответствующие тесты: F-test – для сравнения pooled регрессий и регрессий с фиксированными эффектами (Fe); тест Хаусмана – для выбора между регрессиями с фиксированными и случайными эффектами (Re); тест Бреуша-Пагана – для pooled регрессий и регрессий со случайными эффектами.

⁶ Официальный сайт Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://stat.gov.kz/about/general/regulation> (дата обращения: 09.06.2021).

Тестирование показало, что регрессии со случайными эффектами лучшим образом описывают данные моделей.

На предварительном этапе анализа возникло предположение о гетероскедастичности и автокорреляции, что было подтверждено тестами. Модели были протестированы на наличие автокорреляции (Breusch-Pagan LM test – для выявления межпанельной зависимости и Breusch-Godfrey/Wooldridge test и Durbin-Watson test – для уста-

новления межвременной связи), а также гетероскедастичности (studentized Breusch-Pagan test и Goldfeld-Quandt test). Для получения несмещенных оценок коэффициентов при оценивании моделей были использованы скорректированные стандартные ошибки – устойчивые к гетероскедастичности и автокорреляции.

Все результаты скорректированных регрессий для исследуемых случаев моделирования представлены в табл. 5.

Таблица 5. Результаты оценки моделей с использованием робастных стандартных ошибок

Переменные	Коэффициенты моделей [Ст. Ошибки]	
	Модель 1	Модель 2
Ymantown	7.5798e-01 [6.1037e-01]	7.7764e-01 *** [1.2817e-01]
Ymanrural	-1.5506e-01 [9.4349e-01]	–
Ywomantown	1.7092e-02 [5.1292e-01]	–
Ywomanrural	2.1648e+00 * [9.5401e-01]	2.0124e+00 *** [1.2655e-01]
Value_Empl	-5.9367e-03 * [2.6904e-03]	-5.8571e-03 * [2.6319e-03]
Manunempl	2.6186e+03 . [1.3623e+03]	2.6446e+03 * [1.3418e+03]
Womanunempl	-1.0743e+03 [1.2034e+03]	-1.0355e+03 [1.0860e+03]
Crisis	-5.8257e+03 * [2.4563e+03]	-5.8188e+03 * [2.4338e+03]
Intercept (cons)	-1.1933e+04 [1.9398e+04]	-1.3452e+04 [1.9466e+04]
Adj. R-Squared	0.68061	0.68112
Chisq	517.295	516.496
p-value	< 2.22e-16	< 2.22e-16
Количество наблюдений N	240	240

Примечание: сохранен синтаксис R-Studio
Signif. codes: 0 ‘***’ 0.001 ‘**’ 0.01 ‘*’ 0.05 ‘.’ 0.1 ‘ ’ 1

Источник: составлено автором

Данные табл. 5 позволяют говорить о том, что обе модели сбалансированы, значимы, о чем свидетельствует значение p-value, имеют по 240 наблюдений. Скорректированный коэффициент детерминации модели 1, равный 0,68, показывает, что модель на 68%, то есть на среднем уровне, объясняет зависимость численности самозанятого населения от исследуемых факторов. Однако только три регрессора – численность сельских девушек, стоимость рабочей силы и кризис – оказались значимыми на 5%-м уровне вероятности ошибки и показатель мужской безработицы – на уровне 10%.

Модель 2, по сути, можно считать построенной на базе модели 1, из которой удалены две незначимые переменные – численность сельских юношей

и городских девушек. Коэффициент детерминации при этом не изменился – 0,68. Однако в этой модели высоко значимой оказалась не только переменная численности сельских девушек, но также и городских юношей. Кроме того, уменьшились стандартные ошибки этих переменных. Также значимы на уровне 5% переменные кризиса, мужской безработицы и стоимости рабочей силы.

В целом, наблюдается разница влияния выбранных переменных на самозанятость в регионах Казахстана.

Отрицательный знак переменной кризиса свидетельствует о негативном влиянии на развитие самозанятой формы. Другими словами, в кризисные годы численность самозанятого населения снижа-

ется. Влияние мужской безработицы носит прямой характер – с ростом безработицы среди мужчин увеличивается число самозанятых. Переменная затрат на рабочую силу имеет обратное влияние – рост этого показателя приводит к сокращению численности самозанятых. Незначимость переменной женской безработицы в обеих моделях, возможно, обусловлена низкой вариативностью показателя с течением времени.

В итоге, мы не отвергли гипотезу о том, что увеличение стоимости затрат на рабочую силу приводит к снижению численности самозанятого населения. Гипотеза же о влиянии гендера и места проживания подтверждена частично, только в отношении сельских девушек.

Другими словами, можно предположить, что самозанятость, как форма экономической адаптации, в большей степени характерна для молодых женщин в сельской местности и для молодых мужчин, проживающих в городах Казахстана. При этом не выявлено влияние на эти процессы женской безработицы, в то время как рост мужской безработицы увеличивает численность самозанятых. Возможно, в дальнейшем для улучшения качества моделей и уточнения влияния факторов следует использовать показатели «молодежной» безработицы, а не общей. Другой экономический фактор – стоимость затрат на рабочую силу – демонстрирует обратное влияние на численность самозанятых. Отчасти этим объясняются более низкие значения численности самозанятых в Атырауской области, как богатого ресурсодобывающего региона, где стоимость рабочей силы наиболее высока. Кризисные периоды отрицательно сказываются на выборе самозанятости в качестве формы экономической адаптации. В периоды снижения экономической активности население, вероятнее всего, либо уходит в «тень», либо прекращает самостоятельную деятельность.

Литература

1. Абрамова Е. А. Самозанятость как инструмент сокращения безработицы в период кризиса // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2020. – Vol. 11–1 (69). – С. 9–12.
2. Агабекова Б. Ф., Боркова Е. А., Короткова П. Д. Анализ методов контроля и регулирования деятельности самозанятых граждан в РФ // Экономика труда. – 2019. – Том 6. – № 1. – С. 553–564. – DOI: 10.18334/et.6.1.40504.
3. Айтмуханбетов А. Е., Красильникова А. К., Луговская М. М. Самозанятость в Республике Казахстан: природа, динамика и его мультипликативный эффект на экономику // Сибирский научный сборник: экономические науки. – Новосибирск, 2017. – С. 51–73.
4. Бабайцева Е. А. Гражданско-правовая природа самозанятости граждан // Бизнес. Образование. Право. – 2017. – № 1 (38). – С. 206–209.
5. Боранбаева А. Е. Самозанятые в Республике Казахстан как экономическая основа гражданского общества // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». – 2016. – Т. 16. – № 3. – С. 6–11.
6. Бочарова Е. В., Дакирова С. Т. Проблемы и направления развития самозанятости в сельской местности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2014. – Т. 14. – вып. 1. – С. 37–42.
7. Ванкевич Е. В., Зайцева О. В. Нестандартная занятость: сущность, формы, масштабы, регулиро-

Заключение

Таким образом, исследование показало, что самозанятость по совокупности таких признаков, как риск, самостоятельность, предприимчивость, доход, уплата налогов, наличие господдержки, может полноправно считаться способом реализации предпринимательской модели поведения населения. Более того она является формой экономической адаптации, поскольку в большей степени характерна, как показывает опыт различных стран, для развивающихся экономик или нестабильных периодов развития. Результаты эконометрического анализа на примере регионов Казахстана показали, что эту форму чаще выбирает молодое население, особенно сельские девушки, что подтверждает выводы более ранних исследований о приоритетном развитии самозанятости в сельской местности. Кроме того, подтверждено прямое влияние роста безработицы на выбор самозанятого поведения и обратное воздействие увеличения стоимости затрат на рабочую силу. Отмечая высокий уровень имеющейся в Казахстане информации о самозанятых гражданах, нам видится весьма перспективным продолжение именно эконометрических исследований по данной проблематике, в которых можно сконцентрироваться на отдельных категориях самозанятых, анализируя влияние тех или иных факторов. Для России сегодня предпочтительнее применение социологических опросов или продольных регрессий в силу небольшой статистической базы, накопление которой со временем позволит использовать для анализа другие эконометрические методы. Однако результаты по регионам Казахстана могут быть учтены при формировании российской системы поддержки молодежного, женского предпринимательства, а также при корректировке таких мер в кризисные периоды развития.

вание // *Белорусский экономический журнал*. – 2015. – № 3. – С. 129–146.

8. Гимпельсон В. Е., Зудина А. А. «Неформалы» в российской экономике: сколько их и кто они? // *Вопросы экономики*. – 2011. – № 10. – С. 53–76.

9. Дорошенко С. В., Трушкова Е. А., Шеломенцев А. Г. К вопросу о предпринимательской модели экономической адаптации населения региона // *Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 14 / РАН. ИНИОН. Отд. на-уч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов*. – М., 2019. – Ч. 2. – С. 812–816.

10. Есимжанова С. Р. Гибкие формы занятости как фактор неустойчивости рынка труда Казахстана // *Уровень жизни населения регионов России*. – 2018. – № 3 (209). – С. 45–52.

11. Заславская Т. Бизнес-слои российского общества: сущность, структура, статус // *Общественные науки и современность*. – 1995. – № 1. – С. 17–32.

12. Капелюшников Р. И. Неформальная занятость в России. Что говорят альтернативные определения? // *Журнал Новой Экономической Ассоциации*. – 2013. – № 4 (20). – С. 52–83.

13. Климова М. О. Проблема уклонения от уплаты налогов в сфере самозанятого населения России // *Налоги и финансовое право*. – 2015. – № 5. – С. 29–37.

14. Коробкова Н. А., Амирова Д. Р., Курдова М. А. Зарубежный опыт регулирования самозанятости // *Электронный научный журнал «ВЕКТОР ЭКОНОМИКИ»*. – 2020. – № 5. – Режим доступа: http://vectoreconomy.ru/images/publications/2020/5/taxes/Korobkova_Amirova_Kurdova.pdf (дата обращения: 12.05.2021).

15. Новые формы занятости в российской экономике как объект государственного регулирования / О. В. Забелина [и др.] // *Экономика труда*. – 2018. – Том 5. – № 2. – С. 419–432. – DOI: 10.18334/et.5.2.39202.

16. Садыханова Г. А., Иляшова Г. К. Предпосылки, тенденции и условия развития самозанятости // *Знание*. – 2017. – № 11-2 (51). – С. 91–101.

17. Тонких Н. В., Бабинцева А. В. Исследование самозанятости населения в Российской Федерации: общие и частные проблемы // *Вестник Омского университета. Серия «Экономика»*. – 2020. – Т. 18. – № 1. – С. 172–183. – DOI: 10.24147/1812-3988.2020.18(1).172–183.

18. Хромцова Л. С., Бурундукова Е. М., Осипова В. С. Влияние неформальной занятости населения ресурсодобывающего региона Севера на формирование его бюджета // *Экономика региона*. – 2020. – Т. 16. – вып. 2. – С. 666–379.

19. Чуланова З. К. Евразийский экономический союз как основа интеграции рынка труда // *Проблемы современной экономики*. – 2015. – № 23. – С. 135–143.

20. Шейн С. Почему вовлечение населения в предпринимательство – плохая политика? / *Современные классики теории предпринимательства. Лауреаты международной премии за вклад в исследования предпринимательства и малого бизнеса (1996-2010) (пер. с англ.)* – Нац. Исслед. ун-т. «Высшая школа экономики», 2013. – 526 с.

21. Bögenhold D., Klingmair R., Kandutsch F. Solo Self-Employment, Human Capital and Hybrid Labour in the Gig Economy // *Foresight and STI Governance*. – 2017. – Vol. 11. – № 4. – pp. 23–32. – DOI: 10.17323/2500-2597.2017.4.23.32.

22. Ebisui M. Non-standard workers: good practices of social dialogue and collective bargaining // ILO. International Labour Office, Industrial and Employment Relations Department. Working Paper. – 2012. – № 36. – 38 pp.

23. Henrekson M. Entrepreneurship and Institution // *Comparative Law and Policy Journal*. – 2007. – Vol. 28(4). – P. 717-742.

24. Olivier B., Prudence K. Earnings Structures, Informal Employment, and Self-Employment: New Evidence from Brazil, Mexico and South Africa // *Review of Income and Wealth*. – 2011. – Vol. 57. – P. 100–122.

25. Williams C. Beyond the formal economy: evaluating the level of employment in informal sector enterprises in global perspective // *Journal of Development Entrepreneurship*. – 2013. – Vol. 18, № 4. – P. 1–21. – DOI: 10.1142/S1084946713500271.

26. Williams C., Horodnic I. Self-employment, the informal economy and the marginalisation thesis: Some evidence from the European Union // *International Journal of Entrepreneurial Behaviour & Research*. – 2015. – Vol. 21, № 2. – P. 224–242. – DOI: 10.1108/IJEBR-10–2014–0184.

27. Yamada G. Urban Informal Employment and Self-Employment in Developing Countries: Theory and Evidence // *Economic Development and Cultural Change*. – 1996. – Vol. 44, № 2. – P. 289–314. – DOI: 10.1086/452214.

References

1. Abramova, E. A. (2020) [Self-employment as a tool for reducing unemployment during the crisis]. *Journal of Economy and Business*. Vol. 11–1 (69), pp. 9–12. (In Russ.).

2. Agabekova, B. F., Borkova, E. A., Korotkova, P. D. (2019) [Analysis of methods of monitoring and regulating the activities of self-employed citizens in the Russian Federation]. *Ekonomika truda* [Labor economics]. Vol. 6. No. 1, pp. 553–564. DOI: 10.18334/et.6.1.40504 (In Russ.).
3. Aitmukhanbetov, A. E., Krasilnikova, A. K., Lugovskaya, M. M. (2017) [Self-employment in the Republic of Kazakhstan: nature, dynamics and its multiplicative effect on the economy]. *Sibirskij nauchnyj sbornik: ekonomicheskie nauki* [Siberian scientific collection: economic sciences]. Novosibirsk, pp. 51–73. (In Russ.).
4. Babaytseva, E. A. (2017) [Civil-legal nature of self-employment of citizens]. *Biznes. Obrazovaniye. Pravo* [Business. Education. Right. Bulletin of the Volgograd Institute of Business]. Vol. 1 (38), pp. 206–209. (In Russ.).
5. Boranbayeva, A. E. (2016) [Self-employed in the Republic of Kazakhstan as the economic basis of civil society]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Pravo»* [Bulletin of the South Ural State University. Series «Law»]. Vol. 16. No. 3, pp. 6–11. (In Russ.).
6. Bocharova, E. V., Dakirova, S. T. (2014) [Problems and directions of self-employment development in rural areas]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya* [Proceedings of Saratov University. New series. Series: Sociology. Political science]. Vol. 14. Issue 1, pp. 37–42. (In Russ.).
7. Vankevich, E. V., Zaitseva, O. V. (2015) [Non-standard employment: the essence, forms, scales, regulation]. *Belorusskiy ekonomicheskiy zhurnal* [Belarusian Economic Journal]. Vol. 3, pp. 129–146. (In Russ.).
8. Gimpelson, V. E., Zudina, A. A. (2011) [Informals in the Russian economy: how many of them and who are they?]. *Voprosy ekonomiki* [Economic issues]. Vol. 10, pp. 53–76. (In Russ.).
9. Doroshenko, S. V., Trushkova, E. A., Shelomentsev, A. G. (2019) [On the issue of the entrepreneurial model of economic adaptation of the population of the region]. *Rossiya: Tendentsii i perspektivy razvitiya. Yezhegodnik* [Russia: Trends and prospects of development. Yearbook]. Issue 14. *RAN. INION*. Moscow, part 2, pp. 812–816. (In Russ.).
10. Esimzhanova, S. R. (2018) [Flexible forms of employment as a factor of instability of the labor market of Kazakhstan]. *Living standards of the population of Russian regions* [Standard of living of the population of the regions of Russia]. Vol. 3 (209), pp. 45–52. (In Russ.).
11. Zabelina, O. V., Mayorova, A. V., Matveeva, E. A., Safonov, A. S. (2018) [New forms of employment in the Russian economy as an object of state regulation]. *Ekonomika truda* [Labor economics]. Vol. 5. No. 2, pp. 419–432. DOI: 10.18334/et.5.2.39202 (In Russ.).
12. Zaslavskaya, T. (1995) [The business layer of Russian society: the essence, structure, status]. *Zhurnal Novoy Ekonomicheskoy Assotsiatsii* [Social Sciences and modernity]. Vol. 1, pp. 17–32. (In Russ.).
13. Kapelyushnikov, R. I. (2013) [Informal employment in Russia. What do the alternative definitions say?]. *Nalogi i finansovoye pravo* [Journal of the New Economic Association]. Vol. 4 (20), pp. 52–83. (In Russ.).
14. Klimova, M. O. (2015) [The problem of tax evasion in the sphere of the self-employed population of Russia]. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal «VEKTOR EKONOMIKI»* [Electronic scientific journal «VECTOR OF ECONOMY»]. Vol. 5, pp. 29–37. (In Russ.).
15. Korobkova, N. A., Amirova, D. R., Kurdova, M. A. (2020) [New forms of employment in the Russian economy as an object of state regulation]. *Ekonomika truda* [Labor Economics]. Vol. 5. No. 2, pp. 419–432. – DOI: 10.18334 / et.5.2.39202.
16. Sadyhanova, G. A., Ilyashova, G. K. (2017) [Prerequisites, trends and conditions for the development of self-employment]. *Znanie* [Knowledge]. Vol. 11–2 (51), pp. 91–101. (In Russ.).
17. Tonkikh, N. V., Babintseva, A. V. (2020) [Research of self-employment of the population in the Russian Federation: general and particular problems]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Ekonomika»* [Bulletin of Omsk University. The series «Economy»]. Vol. 18. No. 1, pp. 172–183, DOI: 10.24147/1812-3988.2020.18(1).172–183. (In Russ.).
18. Khromtsova, L. S., Burundukova, E. M., Osipova, V. S. (2020) [The influence of informal employment of the population of the resource-producing region of the North on the formation of its budget]. *Ekonomika regiona* [Region Economy]. Vol. 16, issue 2, pp. 666–379. (In Russ.).
19. Chulanova, Z. K. (2015) [The Eurasian Economic Union as a basis for the integration of the labor market]. *Problemy sovremennoy ekonomiki* [Problemy sovremennoj ekonomiki]. Vol. 23, pp. 135–143. (In Russ.).
20. Shane, S. (2013) [Why is the involvement of the population in entrepreneurship a bad policy? / Modern classics of the theory of entrepreneurship. Laureates of the International Prize for Contribution to the research of entrepreneurship and small business (1996-2010)] *Pochemu вовлечение населения в предпринимательство – плохая политика? Современные классики теории предпринимательства. Laureaty mezhdunarodnoj premii za vklad v issledovaniya predprinimatel'stva i malogo biznesa (1996-2010)* (translated from English). Nats. Research. un-T. «Higher School of Economics», p. 526. (In Russ.).

21. Bögenhold, D., Klinglmair, R., Kandutsch, F. (2017) Solo Self-Employment, Human Capital and Hybrid Labour in the Gig Economy. *Foresight and STI Governance*. Vol. 11. No. 4, pp. 23–32. – DOI: 10.17323/2500-2597.2017.4.23.32 (In Russ., abstract in Eng.).
22. Ebisui, M. (2012) Non-standard workers: good practices of social dialogue and collective bargaining. *ILO. International Labour Office, Industrial and Employment Relations Department. Working Paper*. No. 36. 38 pp. (In Eng.).
23. Henrekson, M. (2007) Entrepreneurship and Institution. *Comparative Law and Policy Journal*. Vol. 28(4), pp. 717–742. (In Eng.).
24. Olivier, B., Prudence, K. (2011) Earnings Structures, Informal Employment, and Self-Employment: New Evidence from Brazil, Mexico and South Africa. *Review of Income and Wealth*. Vol. 57, pp. 100–122. (In Eng.).
25. Williams, C. (2013) Beyond the formal economy: evaluating the level of employment in informal sector enterprises in global perspective. *Journal of Development Entrepreneurship*. Vol. 18. No. 4, pp. 1–21. DOI: 10.1142/S1084946713500271. (In Eng.).
26. Williams, C., Horodnic, I. (2015) Self-employment, the informal economy and the marginalisation thesis: Some evidence from the European Union. *International Journal of Entrepreneurial Behaviour & Research*. Vol. 21, No. 2, pp. 224–242. DOI: 10.1108/IJEBr-10-2014-0184. (In Eng.).
27. Yamada, G. (1996) Urban Informal Employment and Self-Employment in Developing Countries: Theory and Evidence. *Economic Development and Cultural Change*. Vol. 44. No. 2, pp. 289–314. DOI: 10.1086/452214. (In Eng.).

Информация об авторе:

Светлана Викторовна Дорошенко, доктор экономических наук, доцент, заведующий сектором исследований адаптации региональных систем, Институт экономики, Уральское отделение Российской академии наук, Екатеринбург, Россия

ORCID ID: 0000-0002-8282-6062, **Researcher ID:** L-6719-2017, **ScopusAuthor ID:** 56470612600

e-mail: doroshenkos@mail.ru

Дорошенко С. В. более 20 лет занимается научной деятельностью в Институте экономики Уральского отделения РАН. Основные направления исследований: региональные социально-экономические системы, социальная и экономическая адаптация, предпринимательство, стратегическое планирование, государственная политика, государственный менеджмент.

Автор более 230 научных работ, в том числе индексируемых в международных базах Scopus и Web of Science.

Эксперт Российской академии наук.

Член Экспертного совета по экономическим наукам ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

Заместитель председателя диссертационного совета Д 004.022.02 и член диссертационного совета Д 004.022.03 на базе Института экономики УрО РАН.

Активно участвует в образовательной деятельности и подготовке кадров высшей квалификации. Профессор Уральского федерального университета, Югорского государственного университета.

Лауреат конкурса «Лучший экономист РАН».

Достижения в области науки и высшего образования отмечены Почетными грамотами Российской академии наук, Министерства промышленности и науки Свердловской области, благодарностями Общественной Палаты Российской Федерации, Севастопольского государственного университета, Фонда поддержки стратегических исследований и инвестиций Уральского федерального округа, благодарственными письмами Полномочного представителя Президента Российской Федерации в Уральском федеральном округе, Министерства физической культуры, спорта и молодежной политики Свердловской области и др.

Статья поступила в редакцию: 09.06.2021; принята в печать: 11.11.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Svetlana Victorovna Doroshenko, Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the regional systems adaptation research sector, Institute of Economics, Ural branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia

ORCID ID: 0000-0002-8282-6062, **Researcher ID:** L-6719-2017, **ScopusAuthor ID:** 56470612600

e-mail: doroshenkos@mail.ru

Doroshenko S. V. has been engaged in scientific activity at the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences for more than 20 years. The main areas of research are regional socio-economic systems, social and economic adaptation, entrepreneurship, strategic planning, public policy, public management.

Svetlana Victorovna is the author of more than 230 scientific papers, including those indexed in the international databases Scopus and Web of Science;

- expert of the Russian Academy of Sciences;
- member of the Expert Council on Economic Sciences of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation;
- deputy Chairman of the Dissertation Council D 004.022.02 and a member of the dissertation Council D 004.022.03 at the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences;
- actively participates in educational activities and training of highly qualified personnel;
- professor of the Ural Federal University, Ugra State University;
- winner of the competition «The Best Economist of the Russian Academy of Sciences».

Achievements in the field of science and higher education were awarded with Certificates of Honor from the Russian Academy of Sciences, the Ministry of Industry and Science of the Sverdlovsk Region, thanks from the Public Chamber of the Russian Federation, Sevastopol State University, the Fund for Strategic Research and Investment Support of the Ural Federal District, letters of thanks from the Plenipotentiary Representative of the President of the Russian Federation in the Ural Federal District, the Ministry of Physical Culture, Sports and Youth Policy of the Sverdlovsk Region, etc.

The paper was submitted: 09.06.2021.

Accepted for publication: 11.11.2021.

The author has read and approved the final manuscript.